

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(4): 346-354

www.vestnik.sutr.ru

Articles

UDC 334.784

Development of Tourism in the World and National Experience of Implementing Cluster Initiatives

Ani G. Arakelyan ^{a, *}

^a Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

As of today, the formation of economic clusters is a necessary condition for ensuring strong competitive positions of countries and individual territories in the field of industrial, innovative, technological and other types of development. At the same time, different types of economic clusters develop differently in different countries, and the priority in this process is usually given to industrial, innovative and, to a lesser extent, transport and logistics clusters. Conversely, service clusters, including tourist clusters, remain less common. The purpose of this article is to present the results of the author's analysis and generalization of the world experience in implementing cluster initiatives, to determine the prerequisites, goals and the most effective tools for achieving them that are characteristic of this process. A hypothesis is put forward regarding the incomplete correspondence of tourist clusters to the goals of industrial, innovative, technological and competitive development typical for cluster policy, and the greater orientation of this type of clusters to solving problems of economic development in the regional and territorial context. The methodological basis of the study was system analysis and synthesis, and methods of comparison and generalization were actively used. The theoretical propositions formulated as a result of the research can serve as a subject of scientific discussion and a starting point for further research works of a fundamental and applied nature. The results obtained may also be of practical interest to state and local government authorities when they regulate economic development processes in the sectoral and territorial context.

Keywords: competition, competitiveness, cluster, tourism, tourism sector of the economy, territory economy, regional economy.

1. Введение

Разработка современной теории экономического развития на основе формирования кластерных образований представляет собой не только абстрактный научно-исследовательский процесс. Ее начало было положено анализом особенностей уже сформировавшихся на тот момент в экономической системе специфических территориально-производственных структур. Дальнейшее развитие данной теории активно сочеталось с попытками практического внедрения сформулированных на ее основе методических положений и разработанного с ее использованием инструментария.

* Corresponding author

E-mail addresses: Arakelyan-ani@mail.ru (A.G. Arakelyan)

Едва ли не первым современным примером образования кластерных территориально-производственных образований, возникшим до формирования соответствующей теории, является появление индустриальных округов (районов) Италии. Уже в 1981 г. данные округа, расположенные в центральной и северной части страны, обеспечивали 900 тыс. (или 5,4 % от общего количества) рабочих мест, а находящиеся на их территории, как правило, перерабатывающие предприятия стабильно показывали лучшие показатели производительности и доходности своей деятельности. В дальнейшем экономическая экспансия данных предприятий шла по пути перехода к производствам с более высокой добавленной стоимостью (например, от переработки сельхозпродукции к производству оборудования для такого рода переработки) с параллельной географической экспансией на юг страны, которому «передавались» первичные перерабатывающие производства с параллельным выносом производства сырья в другие менее развитые страны.

В 1991 г. в Италии функционировало уже 199 индустриальных округов, только на малых и средних предприятиях которых в количестве более 1 миллиона (включая смежников) было занято по разным оценкам от 4 до 6 миллионов работников. Заметим при этом, что данные предприятия с численностью работников до 1 тыс. человек являются в Италии наиболее распространенными. На их долю приходится около 98 % от общего количества предприятий по стране (Пятинкин, Быкова, 2008: 30-31; Скоч, 2007). Стало очевидным, что кластеризация превращается в одну из важнейших тенденций развития региональных и национальных экономических систем лидирующих стран.

2. Обсуждение

Считается, что впервые единый государственный подход к формированию сетевых структур в экономике был разработан и реализован в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Дании. Инвестиции в такого рода разработку составили около 25 млн. долларов США, распределенных в виде грантов на реализацию проектов, разбитых на стадии разработки программной концепции и планов развития, а также практической реализации интеграционных инициатив. Первоначально реализуемые интеграционные проекты затрагивали функционирование сельского хозяйства, текстильной промышленности, производства офисной мебели и средств защиты окружающей среды, из которых первая отрасль являлась самой крупной и с точки зрения задействованных ресурсов, и с точки зрения натурального и стоимостного результата своей деятельности. Уже по состоянию на 1992 г. кластеры объединяли 40 % фирм страны, которые обеспечивали 60 % ее экспорта (Пятинкин, Быкова, 2008: 22-23).

Чуть позже, в первой половине 1990-х годов в Австрии была разработана инновационно-исследовательская программа (TIP), совместно реализованная Институтом экономических исследований и Австрийским исследовательским центром. В ее рамках на первом этапе были проанализированы взаимодействие государства и экономики, имеющие в ней место структурные сдвиги, поведение в этих условиях отдельных фирм. На втором этапе (1996–1999 гг.) был разработан и реализован план мероприятий «Путь в информационное общество и общество знаний», включивший в себя блоки создания национальной системы инноваций, повышения производительности на основе экономического роста и увеличения занятости, совершенствования технологической политики за счет повышения эффективности регулирования и внедрения системы технологического консалтинга. Типичным результатом реализации данной программы стало создание к 2000 г. двух автомобильных кластеров в землях Штирия (110 фирм) и Верхняя Австрия (307 фирм), где работало более 30 тыс. человек и производилось продукции на 8,1 млрд. долл. США. По состоянию на 2009 г. в Австрии функционировало более 30 мегакластеров в области автомобильной промышленности, молекулярной медицины и биотехнологий, информационных и мультимедийных технологий и др. (Пятинкин, Быкова, 2008: 636-39; Горшенева, 2006: 79-81; Осадчая, Коробкина, 2009: 280-284).

В Финляндии кластерный подход изначально был использован при разработке промышленной политики в 1991–1993 гг., после чего он приобрел огромную популярность. Благодаря этому в 1995 г. в стране был опубликован отчет по исследовательской работе «Преимущества Финляндии – будущее финской промышленности», в котором анализировались структура и тенденции развития, а также прогнозировались перспективы конкурентоспособности кластеров в финской экономике. С использованием результатов проведенного исследования была подготовлена Национальная промышленная стратегия

Финляндии, обеспечившая переход от обобщенного макроэкономического регулирования к целенаправленному стратегическому управлению промышленным развитием и конкурентным положением экономики страны. Данная стратегия отталкивалась от наличия на территории страны лесного, информационного и телекоммуникационного, металлургического, энергетического, машиностроительного, пищевого, строительного и медицинского кластеров, а также кластера бизнес-услуг. По состоянию на 1999 г. наиболее значимыми с точки зрения объемов производства и количества занятых в Финляндии являлись информационно-телекоммуникационный, строительный и медицинский кластеры. При этом с точки зрения своей зрелости и конкурентной позиции информационно-телекоммуникационный кластер страны оценивался как сильный, медицинский – как потенциальный, а строительный – как латентный (т.е. имеющий неиспользуемые ресурсы и характеризующийся недостаточной синергией взаимодействия).

Разработчики стратегии отмечали, что эффективное, инновационное и высокомаржинальное развитие производства в Финляндии во многом обеспечивается недостатком природных ресурсов. Дальнейшее его развитие по сформированной траектории должно было обеспечиваться факторами высокого качества корпоративной стратегии, глобализации хозяйственной деятельности, экологизации технологий и результатов производственной деятельности, а также дальнейшего внедрения инноваций (Горшенева, 2006: 79-81; Сутырин, Филиппов, 2004: 71-72).

К середине 2000-х годов в рамках специально посвященных этому национальных исследований в Великобритании было выявлено 154 функционирующих и потенциальных региональных кластера, которые обеспечивали 40 % занятости в Лондоне и 15 % занятости на северо-западе страны, в Испании – 142 местных кластера (называемых здесь промышленными системами), в Нидерландах – 12 крупных конгломератов взаимосвязанных индустриальных отраслей, обеспечивавших около 30 % всего промышленного производства, в Норвегии – 62 региональных кластера (в том числе 55 промышленных), обеспечивавших 22 % занятости по стране, в Португалии – 33 региональных кластера, во Франции – 144 существующих и 82 создающихся кластера (Скоч, 2007).

Анализ и систематизация опыта «первой волны» исследований и теоретического обоснования кластеризации в передовых национальных экономических системах позволяет сделать ряд выводов относительно характерных черт данных процессов. Примечательны следующие факты.

Во-первых, подавляющее большинство национальных исследований по анализу имеющейся структуры и особенностей, а также определению перспектив развития различных видов кластеров были закончены в странах-лидерах экономического развития и некоторых развивающихся странах к середине 2000-х годов.

Во-вторых, данные исследования в основном акцентировались на промышленных кластерах в различных отраслях (традиционных кластерах) и наукоемких информационных, коммуникационных, медицинских, биотехнологических и пр. (так называемых инновационных) кластерах. Сервисные кластеры, специализированные на предоставлении финансовых, бизнес-, туристских и др. услуг, упоминаются в них значительно реже. Как мы полагаем, данный факт обусловлен тем, что рассматриваемые исследования проводились, прежде всего, в разрезе обеспечения существенных и доминирующих конкурентных преимуществ лидирующих национальных экономик, сложно- или даже недостижимых в сфере услуг с учетом специфики ее деятельности.

В-третьих, на том этапе основным заказчиком исследований и инициатором процессов кластеризации выступало государство, использовавшее их при формировании своей промышленной, инновационной и конкурентной политики. Это наглядно иллюстрируется результатами глобального исследования кластерных инициатив, обнародованными в 2003 г. и обобщившими мнения респондентов в бизнесе, научно-исследовательской деятельности и государственном управлении, связанных с работой 238 кластеров по всему миру (преимущественно в Европе, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Японии) (Solvell et al., 2003: 59-71). Согласно данным результатам, 54 % респондентов считали роль государства в финансировании процессов формирования и развития экономических кластеров доминирующей, а еще 25 % заявили, что такие проекты финансируются государством и бизнесом совместно. И только 18 % респондентов считало, что кластерные инициативы финансируются исключительно бизнесом, 2 % – международными организациями и 1 % – научным сообществом. При оценке организационной роли различных

участников сделанные оценки несколько изменились и в первой тройке стали чуть «ровнее»: 35 % респондентов отметили здесь приоритет совместной деятельности государства и бизнеса, 32 % – единоличной деятельности государства, а 25 % – единоличной деятельности бизнеса. Роль в данном процессе международных и научно-исследовательских организаций снова была оценена как минимальная (соответственно отсутствие и 5 % ответов).

Примечательно, что приведенное обобщенное мнение отражает взгляд респондентов в «передовых» странах, раньше других начавших развивать на своей территории кластерные образования с целью завоевания лучших и (или) доминирующих конкурентных позиций отдельных секторов своей экономики на мировых рынках. Данные страны обладают наиболее развитыми рыночными экономическими механизмами и, тем не менее, формирование в них таких рыночных по своей сути территориально-производственных образований, какими являются кластеры, иницируется, организуется и финансируется, прежде всего, государством. При этом предполагается, что такое финансирование необходимо и оправдано на начальном этапе создания кластера с тем, чтобы сформировать его организационно-экономическую основу и привлечь к его деятельности первоначально необходимую массу участников. В дальнейшем по мере развития кластера акцент в его финансировании должен смещаться в сторону государственно-частного партнерства или исключительно частного финансирования (Куценко, 2010: 100-109).

Наоборот, менее развитые (развивающиеся и транзитивные (т.е. бывшие социалистические)) страны, где рыночные механизмы еще далеки от высокого уровня своего развития, а роль государства существенно выше показывают ситуацию несравненно меньшего финансового участия с его стороны. В них доля государственного финансирования кластерных инициатив составляет около 25 % притом, что в развитых странах в среднем она находится на уровне около 60 %. В транзитивных странах при этом наблюдается относительно высокий (около 30 %) удельный вес финансирования кластерных инициатив со стороны бизнеса (Ketels et al., 2006: 11-14).

3. Результаты

Изначально развитие кластеров пошло по пути использования их наиболее развитыми в экономическом отношении государствами в качестве инструмента проводимой ими промышленной, инновационной и конкурентной политики. Такая ориентация предопределила акцент разработанной данными государствами кластерной стратегии на развитие промышленных, инновационных и, в меньшей степени, транспортно-логистических кластеров. Сервисные, включая туристские, кластеры «по умолчанию» оказались при этом во второстепенном статусе. В дальнейшем данный тренд стал генеральной линией развития и был подхвачен второй волной развития кластерных инициатив в развивающихся и транзитивных странах. Вместе с тем, здесь в условиях не столь ярко выраженных претензий на лидерство развитию сервисных кластеров уделяется несколько большее внимание, прежде всего, как элементу не столько промышленной, инновационной и конкурентной, сколько региональной политики, направленной на выравнивание сложившихся диспропорций территориального развития, ликвидацию депрессивности в развитии отдельных территорий и т.д.

Наглядным примером описанной ситуации является тот факт, что по состоянию на середину 2020 г. на портале European Cluster Collaboration Platform (ECCP), созданном в рамках программы Евросоюза «EU programme for the Competitiveness of Enterprises and SMEs (COSME)», в разделе Cluster Organizations Mapping Tool, отражающем географическое и видовое распределение кластерных образований в мире, по запросам «Tourist Cluster» и «Tourism Cluster» выдавались сведения только о 14 кластерах такого рода, находящихся на разных стадиях и уровнях своего развития и расположенных во Франции, на Балеарских островах, в Исландии, Словении, Сербии (3 кластера), Польше, Румынии (2 кластера), Грузии, Латвии, Литве и Иерусалиме (European Cluster..., 2020).¹ Заметим, что, за исключением Франции, Исландии и достаточно специфического случая Иерусалима, все вышеперечисленные страны относятся именно к развивающимся и транзитивным странам, решающим свои специфические задачи развития.

¹ SMEs (Small and Medium Enterprises) – аналог принятой в России аббревиатуры МСБ (малый и средний бизнес). Всего на указанном ресурсе содержится описание 1121 кластера. Таким образом, туристские кластеры составляют лишь около 1 % от их числа.

Некоторые специалисты высказывают мнение о том, что даваемый ЕССР перечень туристских кластеров не является исчерпывающим и не включает в себя, например, туристские кластеры Южноафриканской Республики (1 национальный, 2 тематических и 4 локальных), Турции (7 региональных кластеров), России (как минимум, Горный и Прибрежный туристские кластеры г. Сочи, созданные в рамках подготовки к Зимним Олимпийским Играм 2014) и др. Вместе с тем, опыт создания данных кластеров отражает разнообразие решаемых в процессе создания туристских кластеров задач, а также используемых подходов к их решению.²

Во всех трех случаях инициатором формирования данных кластеров выступило государство, однако его участие в данных проектах было различным и преследовало оно при этом достаточно разные цели. В ЮАР и Турции ими стали приоритетное обеспечение международной конкурентоспособности туристского сектора экономики страны (при этом в ЮАР параллельно решалась задача преодоления депрессивных тенденций развития отдельных территорий), в России – проведение Зимних Олимпийских Игр 2014. Решение задачи создания туристских кластеров в ЮАР осуществлялось в тесном сотрудничестве государства, местных властей, бизнеса и населения с привлечением консорциума иностранных консультантов, которые выполняли исключительно экспертные функции при безусловном приоритете местной инициативы, идущей «снизу». В Турции, наоборот, приоритетом была местная инициатива «сверху», сформулированная в середине 1980-х годов в виде долгосрочной программы развития туристского сектора экономики страны на территориях – полюсах роста, в которой государство принимало на себя функции: а) реализации крупных государственных инвестиционных программ развития туризма; б) контроля (включая экологический) за процессом хозяйственного развития туристских территорий; в) рекламы турецких курортов на международном рынке; г) обеспечения комплексности, полноты и широкой доступности туристского продукта; д) содействия в завоевании новых сегментов туристского рынка. Наконец, в России двигателем процесса также оказалась инициатива «сверху», но только в крайне локализованном и усеченном ее варианте, фактически, затрагивающем функции реализации инвестиционного процесса, но не долгосрочного рыночного использования его результатов. Результатом реализации соответствующих инициатив в ЮАР стали развитие туризма (хотя и не в изначально запланированных объемах), оживление хозяйственной активности и повышение качества жизни на отдельных территориях, а также популяризация туризма в качестве источника благосостояния среди местных сообществ. В Турции реализация разработанной программы развития привела к превращению страны в одну из десяти наиболее популярных в мире туристских дестинаций. Наконец, в России полученные результаты реализации проекта оказались далеки от запланированных и свелись к формированию развитых по мировым меркам и дорогим на фоне конкурентов туристских центров, имеющих все же не столько международное, сколько национальное значение.

Описанные случаи являются, скорее, исключением, не меняющим общей тенденции достаточно низкого удельного веса туристских кластеров в их общем мировом объеме. В России тезис о безусловной приоритетности инновационных и промышленных кластеров наглядно подтверждается тем фактом, что в совместном докладе Минэкономразвития, АО «РВК» и НИУ «Высшая школа экономики» «Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности», подводящем итоги первого десятилетия создания кластеров в Российской Федерации (2018 г.), упоминания о сервисных и туристских кластерах отсутствуют как таковые (Абрашкин и др., 2018: 26-33).

С другой стороны, многочисленные отечественные специалисты упоминают в своих работах наличие в стране неодинаково развитых и по-разному развивающихся локальных туристских кластеров в Северо-Кавказском федеральном округе, Республике Татарстан, Самарской области, Краснодарском крае, Республике Адыгея, Владимирской области, Вологодской области и др. субъектах Федерации (Волков, 2016: 5-15; Шерешева, 2016: 37-39; Александрова, Владимиров, 2016: 52-55). Федеральной целевой программой (ФЦП) «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» декларировалось, что количество подлежащих созданию в ее рамках на территории страны туристских кластеров должно было достигнуть 50-ти (Федеральная целевая программа..., 2011). Согласно официальным источникам, по состоянию на 01 января 2018 г. велось

² Здесь и далее анализ по данным, приведенным в (Волков, 2016).

создание 45 туристско-рекреационных и автотуристских кластеров в 35 субъектах Российской Федерации, включая строительство 199 объектов обеспечивающей инфраструктуры (из которых 150 было введено в эксплуатацию) и более 550 объектов туристской инфраструктуры (из которых было введено в эксплуатацию 150).³

В течение 2011–2017 гг. в рамках ФЦП была осуществлена реализация инвестиционных проектов на общую сумму более 101,5 млрд. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 21,2 млрд. руб., бюджетов субъектов Российской Федерации – 6,7 млрд. руб. и внебюджетных источников – 73,6 млрд. руб. В 2018 г. на строительство объектов обеспечивающей инфраструктуры 15 туристских кластеров в 15 субъектах Российской Федерации планировалось истратить из средств федерального бюджета 3,3 млрд. руб., а из средств бюджетов субъектов Российской Федерации – 900,6 млн. руб. Привлечение средств из внебюджетных источников в 2018 г. планировалось в размере 11,1 млрд. руб.

Кроме того, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» запланировано, что в 2019–2025 гг. конкурсе на создание на своей территории туристских кластеров примет участие 57 субъектов Российской Федерации с более чем 100 кластерными инициативами. Оценить реалистичность данных планов с учетом современной специфики социально-экономического развития представляется невозможным.

4. Заключение

В основу программных документов, равно как и в случае создания туристских кластеров для проведения Зимних Олимпийских Игр 2014, Министерством экономического развития Российской Федерации был заложен инфраструктурный подход. В соответствии с ним каждый туристский кластер «...представляет собой укрупненный инвестиционный проект, включающий ряд функционально, организационно и финансово взаимосвязанных проектов по отдельным объектам капитального строительства в туристской сфере». И он же является комплексом «...взаимосвязанных объектов рекреационной и культурной направленности – коллективных средств размещения, предприятий питания и сопутствующих сервисов, снабженных необходимой обеспечивающей инфраструктурой» (туристско-рекреационный кластер) или предприятий и организаций, производящих «туристские и сопутствующие услуги, взаимно дополняющие друг друга и обеспечивающие цивилизованные условия для автотуристов» (автотуристский кластер).⁴

В полной мере соответствуя нерыночной по своей сути концепции безусловного приоритета государственной инициативы создания туристских кластеров, данный подход все внимание уделяет достаточности их туристской и обслуживающей инфраструктуры (предполагается, что создание первой финансирует бизнес, а второй – государство) и практически никак не акцентируется на синергии конкурентного и кооперационного взаимодействия его участников. Усугубляет ситуацию то, что сами участники кластерных инициатив «пытаются развивать туристские кластеры, не имея четкого представления о принципах их проектирования и организации, различий в управлении кластерами на разных этапах их развития, особенностях логистики и формирования цепочек создания ценности туристских дестинаций» (Шерешева, 2016). Описанное заставляет сделать вывод относительно высокой вероятности того, что существующие в современной России туристские кластеры на самом деле в полной мере ими не являются и требуют своего существенного «доразвития».

Литература

Абрашкин и др., 2018 – Абрашкин В.Л., Артемов С.В., Гусев А.Н. и др. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности. Выпуск 2. Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 346 с.

³ Здесь и далее аналитические данные даны по источнику [Концепция федеральной целевой программы..., 2019](#).

⁴ Цитаты по ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)».

Александрова, Владимиров, 2016 – Александрова А.Ю., Владимиров Ю.Л. Особенности создания туристских кластеров в России (на примере Вологодской области) // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2016. № 1. Т. 10. С. 47-58.

Волков, 2016 – Волков С.К. Зарубежный и российский опыт развития туристских кластеров // *Научные ведомости. Серия Экономика. Информатика*. 2016. №16 (237). Выпуск 39. С. 5-15.

Горшенева, 2006 – Горшенева О.В. Кластеры: сущность, виды, принципы организации и создания в регионах // *Экон. вестник Ростов. гос. ун-та*. 2006. №4. Ч. 2. С. 75-81.

Концепция федеральной целевой программы..., 2019 – Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)». Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05 мая 2018 года, № 872-р / Министерство экономического развития Российской Федерации. Федеральное агентство по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russia-tourism.ru/contents/deyatelnost-programmy-i-proekty/federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2019-2025-gody/> (дата обращения: 18.08.2020).

Куценко, 2010 – Куценко Е. Основы кластерной политики государства // *Обозреватель – Observer*. 2010. №3. С. 99-110.

Осадчая, Коробкина, 2009 – Осадчая О.П., Коробкина Е.В. Кластерный подход к повышению конкурентоспособности региона // *Ползуновский альманах*. 2009. №1. С. 280-284.

Пятинкин, Быкова, 2008 – Пятинкин С.Ф., Быкова Т.П. Развитие кластеров: сущность, актуальные подходы, зарубежный опыт. Минск: Тесей, 2008. 72 с.

Скоц, 2007 – Скоц А. Международный опыт формирования кластеров // *Космополис*. 2007. № 16 / Журнальный клуб Интелрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=352> (дата обращения: 17.02.2019).

Сутырин, Филиппов, 2004 – Сутырин С.Ф., Филиппов П.Н. Кластеры конкурентоспособности Финляндии // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2004. Сер. 5. Вып. 1 (№ 5). С. 71-77.

Федеральная целевая программа ..., 2011 – Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)». Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 02 августа 2011 года, № 644 / Министерство экономического развития Российской Федерации. Федеральное агентство по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost-programmy-i-proekty/gosudarstvennye-programmy-realizovannye-rosturizmom-do-2020-goda/federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2011-2018-gody/> (дата обращения: 18.08.2020).

Шерешева, 2016 – Шерешева М. Создание туристских кластеров в регионах России // *Логистика*. 2016. № 6. С. 36-40.

European Cluster..., 2020 – European Cluster Collaboration Platform / Organizations / Cluster Organizations Mapping Tool. [Electronic resource]. URL: <https://clustercollaboration.eu/cluster-mapping> (date of access: 20.05.2020).

Ketels et al., 2006 – Ketels C., Lindqvist G., Sîlvell Î. Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies. 2006. [Electronic resource]. URL: www.cluster-research.org. P. 23.

Solvell et al., 2003 – Solvell O., Lindqvist G., Ketels K. The Clusters Initiative Greenbook. Stockholm. 2003. 93 p.

References

Abrashkin i dr., 2018 – Abashkin, V.L., Artemov, S.V., Gusev, A.N. i dr. (2018). Klasternaya politika: dostizhenie global'noi konkurentosposobnosti. Vypusk 2 [Cluster policy: achieving global competitiveness. Issue 2]. Minekonomrazvitiya Rossii, АО «RVK», Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE, 346 p. [in Russian]

Aleksandrova, Vladimirov, 2016 – Aleksandrova, A.Yu., Vladimirov, Yu.L. (2016). Osobennosti sozdaniya turistskikh klasterov v Rossii (na primere Vologodskoi oblasti) [The features of the creation of tourist clusters in Russia (on the example of the Vologda region)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 1(10): 47-58. [in Russian]

European Cluster..., 2020 – European Cluster Collaboration Platform / Organizations / Cluster Organizations Mapping Tool. [Electronic resource]. URL: <https://clustercollaboration.eu/cluster-mapping> (date of access: 20.05.2020).

Federal'naya tselevaya programma ..., 2011 – Federal'naya tselevaya programma «Razvitie vnutrennego i v"ezdnoogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011-2018 gody)». Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 02 avgusta 2011 goda, № 644 [Federal target program "Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011-2018)". Approved. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 02, 2011, № 644]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Federal'noe agentstvo po turizmu. [Electronic resource]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/gosudarstvennye-programmy-realizovannye-rosturizmom-do-2020-goda/federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2011-2018-gody/> (data obrashcheniya: 18.08.2020). [in Russian]

Gorsheneva, 2006 – *Gorsheneva, O.V.* (2006). Klasteri: sushchnost', vidy, printsipy organizatsii i sozdaniya v regionakh [Clusters: essence, types, principles of organization and creation in the regions]. *Ekon. vestnik Rostov. gos. un-ta.* 4. Ch. 2. Pp. 75-81. [in Russian]

Ketels et al., 2006 – *Ketels C., Lindqvist G., Silvell Î.* (2006). Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies. [Electronic resource]. URL: www.cluster-research.org. P. 23.

Kontsepsiya federal'noi tselevoi programmy..., 2019 – Kontsepsiya federal'noi tselevoi programmy «Razvitie vnutrennego i v"ezdnoogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2019-2025 gody)». Utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 05 maya 2018 goda, № 872-r [The concept of the federal target program "Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2019-2025)". Approved by Order of the Government of the Russian Federation dated May 05, 2018, № 872-r]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Federal'noe agentstvo po turizmu. [Electronic resource]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/deyatelnost/programmy-i-proekty/federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-vnutrennego-i-vezdnogo-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-2019-2025-gody/> (date of access: 18.08.2020). [in Russian]

Kutsenko, 2010 – *Kutsenko, E.* (2010). Osnovy klasternoi politiki gosudarstva [Fundamentals of state cluster policy]. *Obozrevatel' – Observer.* 3: 99-110. [in Russian]

Osadchaya, Korobkina, 2009 – *Osadchaya, O.P., Korobkina, E.V.* (2009). Klasternyi podkhod k povysheniyu konkurentosposobnosti regiona [Cluster approach to increasing the competitiveness of the region]. *Polzunovskii al'manakh.* 1: 280-284. [in Russian]

Pyatinkin, Bykova, 2008 – *Pyatinkin, S.F., Bykova, T.P.* (2008). Razvitie klasterov: sushchnost', aktual'nye podkhody, zarubezhnyi opyt [Cluster development: essence, current approaches, foreign experience]. Minsk: Tesei, 72 p. [in Russian]

Sheresheva, 2016 – *Sheresheva, M.* (2016). Sozdanie turistskikh klasterov v regionakh Rossii [Creation of tourist clusters in the regions of Russia]. *Logistika.* 6: 36-40. [in Russian]

Skoch, 2007 – *Skoch, A.* (2007). Mezhdunarodnyi opyt formirovaniya klasterov [International experience of cluster formation]. *Kosmopolis.* 16. Zhurnal'nyi klub Intelros [Electronic resource]. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=352> (date of access: 17.02.2019). [in Russian]

Solvell et al., 2003 – *Solvell, O., Lindqvist, G., Ketels, K.* (2003). The Clusters Initiative Greenbook. Stockholm. 93 p.

Sutyurin, Filippov, 2004 – *Sutyurin, S.F., Filippov, P.N.* (2004). Klasteri konkurentosposobnosti Finlyandii [Clusters of Finland's competitiveness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Ser. 5. 1(5): 71-77. [in Russian]

Volkov, 2016 – *Volkov, S.K.* (2016). Zarubezhnyi i rossiiskii opyt razvitiya turistskikh klasterov [Foreign and russian experience in the development of tourist clusters]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Ekonomika. Informatika.* 16(237). Vypusk 39. Pp. 5-15. [in Russian]

УДК 334.784

Развитие туризма в мировом и отечественном опыте реализации кластерных инициатив

Ани Гагиковна Аракелян ^{а, *}

^а Субтропический научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. По состоянию на сегодняшний день формирование экономических кластеров является необходимым условием обеспечения сильных конкурентных позиций стран и отдельных территорий в области промышленного, инновационного, технологического и иных видов развития. При этом различные виды экономических кластеров в разных странах развиваются неодинаково, приоритет в данном процессе, как правило, принадлежит промышленным, инновационным и, в меньшей степени, транспортно-логистическим кластерам. И наоборот, сервисные, включая туристские, кластеры остаются не столь распространенными. Целью настоящей статьи является изложение результатов авторского анализа и обобщения мирового опыта реализации кластерных инициатив, определения характерных для данного процесса предпосылок, целей и наиболее эффективных инструментов их достижения. Выдвинута гипотеза относительно неполного соответствия туристских кластеров типичным для кластерной политики целям промышленного, инновационного, технологического и конкурентного развития, большей ориентации данного вида кластеров на решение проблем экономического развития в региональном и территориальном разрезе. Методологической основой проведенного исследования стали системный анализ и синтез, в его ходе активно применялись методы сравнения и обобщения. Теоретические положения, сформулированные в результате проведенного исследования, могут выступать как предмет научной дискуссии и отправная точка для дальнейших научно-исследовательских работ фундаментального и прикладного характера. Полученные результаты также могут представлять практический интерес для органов государственной власти и местного самоуправления при регулировании ими процессов экономического развития в отраслевом и территориальном разрезе.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, кластер, туризм, туристский сектор экономики, экономика территории, региональная экономика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Arakelyan-ani@mail.ru (А.Г. Аракелян)